

HARRY FALK. Aśokan Sites and Artefacts. A Source-book with Bibliography. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2006. 295 S. 724 Farbund 117 Schwarzweißabbildungen

Как известно, надписи царя Ашоки из династии Маурьев (середина III в. до н.э.) являются древнейшими и наиболее значительными памятниками индийской эпиграфики. Капители колонн Ашоки считаются самыми ранними образцами каменной скульптуры Южной Азии (после эпохи Хараппы). Литература, посвященная этим источникам, огромна. Но рецензируемая книга Гарри Фалька (директора берлинского Института индийской филологии и истории искусства) по своему замыслу не имеет аналогов. Она посвящена, главным образом, не эпиграфическим памятникам, а тем географическим пунктам, которые были выбраны для того, чтобы высечь там надписи на камне. Благодаря многочисленным открытиям последних десятилетий исследователи располагают ныне значительно более обширным материалом, чем в те времена, когда готовился «Corpus inscriptionum indicarum»¹ – к примеру, Малый наскальный эдикт известен уже в 16 местных версиях. Автор в течение ряда лет систематически обследовал практически все памятники эпохи Ашоки на территории трех государств: Индии, Пакистана, Непала. Соответствующую информацию он собрал и относительно находок в Афганистане, куда не мог отправиться по соображениям безопасности. Сам перечень известных к настоящему времени надписей Ашоки и воздвигнутых им колонн представляет значительную ценность.

Работа Г. Фалька может служить своеобразным путеводителем. Автор подробно рассказывает о местонахождении каждой надписи – вплоть до сведений о возможном транспорте, а также об имени служителя, к которому следует обращаться для осмотра вещей, находящихся под охраной Археологической службы. Книга включает 724 цветных и 117 черно-белых фотографий как самих надписей, колонн, пещер и т.п., так и окружающей местности. Они дают весьма наглядное представление о том, где именно была высечена надпись и как она выглядит в настоящее время.

Г. Фальк сообщает также всю необходимую информацию об истории обнаружения каждого памятника, его публикациях и исследовании. Он описывает степень сохранности надписи и условия ее хранения. Надписи нередко издавались по фотографиям и эстампам. Обследование их *de visu* в ряде случаев позволяет автору предложить исправление чтений (хотя новое издание корпуса не входило в его задачи). Были произведены измерения колонн Ашоки и тех пещер, где найдены надписи царя о дарении их отшельникам. Результаты этих измерений позволяют реконструировать хронологию изготовления колонн, а иногда и поставить под сомнение принадлежность эпохе Ашоки той или иной колонны, не содержащей надписи этого царя. По мнению автора, наиболее ранние колонны были изготовлены из камня, добытого в районе Чунара (с. 142). Основная же часть их высечена в других каменоломнях – в местности Пабхоса. Г. Фальк обсуждает проблемы техники обработки камня в маурийское время и связей изобразительной традиции с искусством ахеменидского Ирана (с. 140 и далее).

Автор приходит к выводу, что символика изображений на колоннах имеет буддийский характер (с. 144–145). Лев, венчающий большинство колонн, олицетворяет всепобеждающее Учение (*victorious philosophy*) Шакьямуни. Птицы (супружеские пары уток или гусей), помещенные на рельефе, воплощают народ, «поглощающий» проповедь Будды (*men and women alike taking up the teaching of the lion*). Подобное истолкование, подтверждаемое ссылкой на ведийскую литературу, кажется весьма правдоподобным.

Г. Фальк не согласен с моим выводом о том, что в надписи из Лумбини упомянута не сохранившаяся капитель колонны с фигурой льва (= Шакьямуни, или «Льва из племени шакьев»). Однако мнение о том, что на капители было изображение коня, он считает всего лишь легендой, не имеющей никаких оснований (с. 145). На капителях некоторых колонн (в Рампурве и Санкисе) можно видеть не льва, а быка или слона. Тот и другой должны также символизировать Будду. Согласно Г. Фальку, обе эти колонны принадлежат к числу наиболее ранних.

В связи с обсуждением вопроса о назначении колонн Ашоки Г. Фальк приводит известный рельеф, хранящийся в музее г. Лакнау (с. 148). На этом рельефе изображена колонна (со львом на капители – как у Ашоки), слева от нее – женская фигура спиной к зрителю, справа – мужская лицом к зрителю. Оба персонажа касаются колонны правой рукой. Исследователь интерпрети-

¹ Первый том, посвященный надписям Ашоки, был впервые опубликован в 1925 г.

рует сцену как свадебную церемонию. Однако это трудно аргументировать как древними текстами, так и этнографическими параллелями. То, что персонажи разного пола, так же мало свидетельствует о брачных связях между ними. Аналогичный сюжет представляет рельеф из Санчи (с. 180) – мужчина и женщина в позе почитания с обеих сторон от колонны с львиной капителью. По всей видимости, на рельефе из Лакнау художник мастерски передает движение вокруг колонны. Обход слева направо (*прадакшина*) – известный способ почитания буддийской святыни, а колонна с изображением льва (= Будды), несомненно, являлась святыней. Можно с уверенностью утверждать, что колонны Ашоки для буддистов были объектами почитания, – в частности, посредством *прадакшины*.

Г. Фальк совершенно справедливо ставит вопрос о том, что истинный смысл эдиктов Ашоки нельзя понять, не задаваясь вопросом о том, где именно они были помещены – а обычно вдали от населенных пунктов, зачастую в труднодоступных местах. Они явно не предназначались для повседневного чтения, и поэтому не могут свидетельствовать о широком распространении грамотности в эпоху Маурьев. Как и в более ранней книге², автор высказывает мнение, что древнеиндийская письменность (*брахми*) была изобретена лишь при Ашоке³. Вполне вероятно, что алфавит брахми, вопреки распространенной точке зрения, возник не ранее IV в. до н.э. Однако само наличие множества надписей Ашоки на огромной территории показывает, что даже на отдаленных окраинах державы были люди, способные прочесть толпе царский эдикт. Известное разнообразие почерков свидетельствует о том, что традиция письменности должна была насчитывать к середине III в. до н.э. не одно десятилетие.

Г. Фальк утверждает (с. 7 – со ссылкой на Г. Зонтхаймера, памяти которого посвящена книга, а также с. 57 и др.), что самые ранние надписи (а именно, так называемый Малый наскальный эдикт, сохранившийся во множестве версий) высечены в тех местах, которые были центрами поклонения божествам-матерям. Именно здесь во время сезонных аграрных празднеств собирались толпы верующих, как ныне на так называемых «мела» (= древняя *сатажа*). Тогда их и оглашали публично. Ашока таким образом противопоставлял свою проповедь дхармы народным культам (с. 57).

Сам анализ содержания Малого наскального эдикта (с. 57–58) представляется спорным. Г. Фальк интерпретирует слова Ашоки о том, что «люди смешиваются с богами» (*miśā devehi*), как свидетельство некоей экстатической практики общения адепта с божеством – одержимости. Однако слова о том, что «люди смешиваются с богами» (вед. *miśā devebhīr*), отправляясь на небо, встречаются и в ведийской литературе («Атхарваведа» IV. 14. 2). В поздневедийских текстах (например, в дхармасутре Апастанбы II. 16. 1) говорится о том, что боги первыми попали на небо посредством совершения обрядов (*karmabhīḥ*). Поэтому люди могут попасть на небо и смешаться там с богами, если будут следовать ритуальным правилам. Об экстатических видениях в этом контексте нет речи.

Далее в Малом наскальном эдикте (как и в X БНЭ) говорится о том, что ныне не только «великие», но и «малые» (т.е. обычные люди, простонародье, *common people* в переводе Г. Фалька – с. 55) могут попасть на небо. Слова о том, что «люди могут смешаться с богами» невозможно оторвать от идеи достижения неба. Но если речь идет о тех, кто попадает в священное безумие, одержим божеством, почему с этим соединяется тема социальных градаций (деление на «великих» и «малых»)? Можно, конечно, как поступают некоторые исследователи, под «великими» понимать не богатых и знатных людей (у Г. Фалька – *high persons*), а обладающих особыми способностями или достоинствами. Но тогда совсем невозможно понять слова из X БНЭ о том, что им-то как раз особенно сложно достигнуть неба (используя известное выражение: как богатому войти в царство небесное).

Идея о том, что эдикты помещали в местах, связанных с древними культами, кажется плодотворной. Вполне вероятно, что их провозглашали по большим праздникам (с. 111). На мой взгляд, главное не в том, что надпись помещена в таких местах, где по каким-то датам собирались толпы народа. Даже если бы вовсе некому было читать царский «эдикт о дхарме», само место его расположения придавало тексту сакральный характер. Конечно, дхарма противопоставлялась местным культам, но и места отправления древних культов были значимы для проповеди дхармы. Как сказано автором книги, Ашока обращается к народу «в совершенно определенной ситуации – когда люди готовы общаться с богами» (с. 112).

² Falk H. Schrift im alten Indien. Ein Forschungsbericht mit Anmerkungen. Tübingen, 1993.

³ На с. 139 рецензируемой книги сказано буквально следующее: «...этот выдающийся царь заимствовал из Ирана идею письма для своего языка в своей стране». Впрочем, в середине III в. до н.э. заимствования следовало бы ожидать скорее от греков, живших в самой Индии, чем из Ирана.

Очень интересны наблюдения Г. Фалька относительно почерков в надписях Ашоки и взаимного расположения Больших наскальных эдиктов, высеченных целыми сериями (с. 111 и далее). Он приходит к выводу о том, что Большие наскальные эдикты поступали в пограничные области державы (где их должны были написать на камне) не по отдельности, а группами. Высекали эти группы часто разные люди (судя по начертаниям и размерам букв). Иногда группы эдиктов помещались на разных камнях или частях одной и той же скалы, для одних групп надписей поверхность камня предварительно полировалась, для других – нет.

Если эти выводы справедливы, то, по-видимому, неожиданное объяснение получит отсутствие трех Больших наскальных эдиктов в двух сериях из Калинги (в Дхаули и Джаугаде). То, что в Калинге нет XIII Большого наскального эдикта, обычно объясняют нежеланием царя напоминать местному населению о тех страданиях, которые оно испытало во время завоевания этой области. Однако без всякого ответа оставался вопрос о том, почему же были опущены XI и XII эдикты, в которых не содержалось ничего неприятного для калингян. По всей видимости, надо предполагать, что до Калинги не дошел весь пакет из трех эдиктов. Произошло это намеренно или же случайно – трудно сказать. Но если действительно был замысел не напоминать калингянам о калингской войне, ничто не мешало бы доставить в эту провинцию только XI и XII эдикты (или также и XIII, опустив лишь нежелательный абзац).

Однако вывод о том, что эдикты поступали на места отдельными группами, вызывает и ряд вопросов. Сам Г. Фальк утверждает (с. 112), что, по меньшей мере, в Гирнаре все Большие наскальные эдикты были высечены одним писцом и одновременно. Возможно ли, чтобы в одну из провинций (в Гирнар) поступил полный комплект, а во все остальные (Калси, Шахбазгархи, Мансехра, Еррагуди, Саннати, Калинга) он рассылался отдельными порциями? Кроме того, выделенный исследователем состав этих порций в разных районах державы, где эдикты были найдены, не совпадает. В Калси можно говорить о двух группах: первые девять Больших наскальных эдиктов и остальные пять. Для Мансехры речь идет уже о трех группах: первые восемь, затем эдикты с девятого по одиннадцатый, отдельно двенадцатый и оба последних. Расположение эдиктов в Шахбазгархи позволяет говорить, что первые шесть составляют единую группу, а с восьмого по одиннадцатый – другую. В Саннати ситуация еще интереснее: двенадцатый и четырнадцатый эдикты имеют явные диалектные отличия от Особых наскальных. Как бы то ни было, после работы Г. Фалька уже нельзя рассматривать процесс распространения эдиктов Ашоки без анализа поднятых им проблем и тех новых сведений, которые приведены в рецензируемой книге.

Существенной частью издания является самая полная библиография работ об Ашоке, его надписях и о местах, где они были найдены. Библиография эта включает около двух тысяч публикаций не только на европейских языках (включая русский, голландский, чешский), но и на нескольких индийских, а также на японском. Она существенно дополняет известную библиографию М.А. Мехендале⁴ и призвана полностью заменить ее. Впрочем, следует иметь в виду, что библиография ориентирована на основную проблематику книги (как говорит сам автор, это не лингвистика, а *site studies* – с. 8). Поэтому в список включены, скажем, описания соответствующих мест у путешественников XVIII в., но отсутствует целый ряд общих работ по среднеиндийским диалектам и палеографии надписей Ашоки (к примеру, монографии М.А. Мехендале и Ч.С. Упасака)⁵.

А.А. Вигасин

⁴ *Mehendale M.A. Aśokan Inscriptions in India (A Linguistic Study, Together with an Exhaustive Bibliography). Bombay, 1948.*

⁵ *Mehendale M.A. Historical Grammar of Inscriptional Prakrits. Pune, 1997 (1-е изд. – 1948); Upasak C.S. The History and Paleography of Mauryan Brahma Script. Patna, 1960.* Есть, конечно, и некоторые пропуски, к примеру: *Goyal S.R. Ancient Indian Inscriptions. Recent Finds and New Interpretations, Jodhpur, 2005* – книга содержит несколько статей по интерпретации надписей Ашоки; *Pugliese Carratelli G. L'incipito della versione greca dell'editto di Aśoka nell'epigrafe bilingue di Kandahar // Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei lincei. Roma, 1995. Ser. IX. Vol. VI. Fasc. 4.* Вероятно, следовало бы отметить, что указанные в библиографии статьи R.O. Franke и F. Kielhorn вошли также в их *Kleine Schriften*, а работа P. Mus о Барабудуре доступна не только на французском, но и в английском переводе.